

Татьяна Попова

Имена существительные с суффиксом "-ствие" в русских народных говорах

Studia Rossica Posnaniensia 31, 161-167

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ *-СТВИЕ*
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

NOUNS WITH *-STVIYE* SUFFIX IN RUSSIAN LOCAL DIALECT

ТАТЬЯНА ПОПОВА

ABSTRACT. The article is devoted to one of the aspects of Russian nominal dialect word formation, and namely – semantic and derivative peculiarities of substantives featuring bookish-Slavonic suffix *-stviye* in Russian dialects. Analytical work is carried out in diachronically aspect-minded stylistic and territorial nuances.

Татьяна Попова, Казанский государственный университет (филиал), Набережные Челны, Россия.

Комплексное исследование русского литературного языка в диахроническом аспекте диктует необходимость обращения к диалектному материалу, в частности, при рассмотрении проблематики взаимодействия церковнославянских и исконно русских языковых элементов, поскольку говоры представляют собой ценнейший пласт, служащий своего рода связующим звеном между историей и современностью. Формирование русского литературного языка, становление его функционально-стилистической системы во всем ее многообразии невозможно рассматривать изолированно от общих тенденций развития русского национального языка в разные эпохи. Еще Ф.П. Филин связывал изучение церковнославянских элементов в диалектах с проблемой происхождения русского литературного языка. Исследование материалов русских народных говоров позволяет систематизировать историко-лингвистические сведения, систематизировать разрозненные факты, а иногда пролить свет на противоречивые, казалось бы, явления языка.

Изучение славяно-книжных суффиксальных формантов в русском диалектном языке связано с проблемой происхождения этих элементов. Факт наличия их в языке русских говоров свидетельствует или об общеславянском характере этих элементов, или о заимствованиях из литературного языка в диалектную речь.

Суффикс *-ствие* как словообразовательное средство однозначно связывается большинством исследователей со старославянским языком. Об этом свидетельствует тот факт, что в истории русского языка он используется только в самых славянизированных книжных жанрах (минеях, апостолах, поучениях,

проповедях, реже – в евангелиях и житиях). Как указывает Г.А. Николаев, „в истории этого суффикса тесно переплелись... общеславянская генетическая основа и старославянское функциональное начало”, в результате чего „при переписывании священных книг, а потом и при сочинении оригинальных богословских текстов эти [речь идет также об именах с суффиксами *-nyje*, *-tyje*, *-telb*, *-ostb*, *-izna* – Т.П.] словообразовательные типы были поняты как принадлежность святого писания. И культивировались они в основном в этих текстах”¹. В свете этого положения появление суффиксальных образований на *-ствие* является, пожалуй, самым неожиданным в кругу книжных словообразовательных моделей, выявленных в диалектном словопроизводстве (ср. имена на *-ость*, *-ние*, *-ение*, *-ство*, *-тель*).

Вопрос об их возникновении рассматривается исследователями истории языка однозначно как следствие влияния церковно-книжных текстов. В этом плане русские говоры, казалось бы, наименее подвержены воздействию, так как „нет никакого сомнения в том, что основа диалектов русская [...], здесь легче определить пути усвоения церковнославянизмов, так как диалекты – область русской речи, наиболее далеко отстоящая от церковнославянского языка. На фоне системы мало нормированной формы языка со специфически русскими приметами достаточно отчетливо выявляются количество и конкретные черты использования церковнославянских элементов в русском языке”². В связи с этим проникновение слов на *-ствие* в диалектный язык можно оценивать как заимствования из книжного языка. Это обусловлено влиянием церковного языка на язык носителей русских говоров. Несомненно, что заимствованию некоторых слов на *-ствие* в говоры способствовал и характер школьного образования в России: вплоть до 20-х годов XX века в сельской местности школьники обучались грамоте по церковным книгам, заучивая тексты наизусть. Следовательно, адаптация подобных субстантивов в числе других церковнославянизмов и литературно-книжных слов протекала достаточно легко; они осваивались носителями диалектов в раннем возрасте и запоминались на всю жизнь, входя в активный словарный запас.

По данным *Словаря русских народных говоров*³, образования с суффиксом *-ствие* очень немногочисленны по сравнению с другими книжными словообразовательными моделями в диалектном языке (около 5% форм), но, тем не менее, довольно любопытны. Следует заметить, что названный словарь не случайно избран в качестве основного источника фактических данных: авторы его преследовали цель фиксировать только диалектные слова без учета об-

¹ Г.А. Николаев, *О некоторых аспектах сопоставительного словообразования и формообразования русского и польского языков*, „Przegląd Rusycystyczny” 1984, № 1–2, с. 1.

² О.Г. Прохова, *Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах*, Ленинград 1988, с. 5.

³ *Словарь русских народных говоров*, вып. II, 1966; вып. III, 1968; вып. V, 1970; вып. VI, 1970; вып. XIV, 1878; вып. XIII, 1977; вып. XXII, 1987, Ленинград.

щенародной лексики, известной говорам, и это позволяет получить относительно достоверные количественные данные. Кроме того, имеется точное указание географического распространения интересующих единиц, проясняющее ситуацию употребления имен на *-ствие*. Привлекаются также данные *Краткого Ярославского областного словаря* Г.Г. Мельниченко.

Итак, суффикс *-ствие*, появившийся в результате осложнения суффикса *-ство* суффиксом *-ие*, „на протяжении всей истории русского языка оставался средством создания номинативных единиц в текстах книжных жанров [...], с другой стороны, он проник в итоге в деловые тексты и даже диалектную речь, оставшись, тем не менее, сугубо книжным словообразовательным средством”⁴.

На разных этапах языкового развития субстантивы на *-ствие* характеризовались разной степенью активности и частоты употребления. Наибольший всплеск их в литературном языке наблюдался в XVIII веке вне жесткой жанровой дифференциации, ибо „в это время имена на *-ствие* проникают в деловые памятники и [...] расшатывают языковые каноны делового стиля [...] к объединению книжного и делового в пределах официально-деловой речи”⁵. Дальнейшая демократизация языка влечет проникновение рассматриваемого форманта во все сферы речевого общения, в том числе и в диалекты. Б.А. Ларин писал: „На протяжении XVIII в. атеизм широко распространяется и среди дворянства, и среди посадского, торгово-ремесленного люда, и среди крестьянства. Так заканчивается влияние церковнославянского языка на общенародный язык. А до Петровской эпохи такое воздействие было довольно сильным и оставило следы как в литературном, так и в разговорном языке, а также в диалектах. Однако с уверенностью можно сказать, что следов этого влияния было бы гораздо больше, если бы XVIII в. не положил конец распространению церковнославянских традиций”⁶.

Следует заметить, что образования на *-ствие* имели не только жанровое, но и территориальное ограничение – они употребительны в чешском, болгарском и русском языках, причем свойственны только великорусскому наречию и не распространились на западе или юге Руси. Диалекты подтверждают и развивают данную тенденцию: зафиксированные в *Словаре русских народных говоров*⁷ субстантивы на *-ствие* принадлежат северно-русским или среднерусским говорам (Новгородской, Вологодско-Вятской, Владимиро-Поволжской группам и др.) и относятся по времени своего появления к началу

⁴ Г.А. Николеев, *Имена существительные с суффиксом „-ствие” в древнерусском литературном языке*. В: *История русского языка. Стилистика. Текст*, Казань 1992, с. 41.

⁵ Там же, с. 42.

⁶ Б.А. Ларин, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*, Москва 1975, с. 275.

⁷ *Словарь русских народных говоров*, ук. соч.

XX века, когда в результате социальных изменений подражание книжной речи, влияние „учености” на носителей диалектов было значительным. Следует учитывать и тот факт, что хронологические рамки данных заимствований – вторая половина XIX – начало XX века – совпадают со временем активной деятельности русской церкви на селе. Это можно считать одной из основных причин появления имен на *-ствие* в говорах.

Другой причиной распространения имен на *-ствие* в диалектах является стремление сельских жителей „щегольнуть образованностью” (Г.Г. Мельниченко). Увеличение имен на *-ствие* в диалектах отмечается к нашему времени, что обусловлено распространением на селе средств массовой информации, более тесным языковым контактированием литературной и диалектной речи в связи с урбанизацией, ростом престижа высшего образования, повышением общекультурного уровня и т. п.

„Со стремительным развитием капитализма и в результате изменений после Октября 1917 г. в России создались новые условия для эволюции национального языка, и этот историко-культурный процесс поставил говоры в подчиненное, зависимое от литературного языка положение, – писал В.В. Колесов. – В современных условиях говоры сохраняются как остаток предшествующего этапа развития языка, языка народности”⁸. Вполне вероятно, что некоторые имена на *-ствие* и отражают этот предшествующий этап.

Большинство отмеченных нами слов относится именно к этой категории, категории заимствований. Часть из них встречается или встречалась раньше в литературном языке (*бедствие, беспокойствие, средство, удовольствие*), часть имеет чисто диалектное происхождение (*лекарствие, бесследствие* и др.). Последнее свидетельствует о том, что суффикс *-ствие* фактически был освоен носителями диалектов. Об этом же свидетельствует факт замены финали *-тие* на *-ствие* (*действие* от слова *десть* – ‘мера писчей бумаги’, *о(т)верствие* вместо *отверстие* (*В это оверствие кто хочешь влезет* (Брян.)) и др.). Тем не менее, имен на *-ствие* в диалектах мало, поскольку из литературного языка в говор заимствуется не все, а только то, что органично диалектной языковой системе, не противоречит ей (Г.Я. Сими́на). Как мы уже отмечали, имена с суффиксом *-ствие* распространены только в северно-русском наречии и среднерусских говорах. Это обусловлено традициями в сфере исторического словообразования, а именно малой распространенностью суффикса *-ствие* в южнорусских текстах в истории языка и его отсутствием в украинском и белорусском языках.

Проникновение имен на *-ствие* в говоры, как и других имен с суффиксами абстракции (*-ость, -ство, -изна*) в XX в. можно объяснить, в частности, экстралингвистическими факторами: развитие общественно-политической жизни, перестройка системы культурных отношений способствует расширению круга употребления абстрактной лексики в диалектном языке, она начинает

⁸ Русская диалектология, под ред. В.В. Колесова, Москва 1998, с. 8.

входить в активный словарный запас. По мере развития мышления развивается и язык, возникает потребность в выражении абстрактных понятий. Как следствие, становятся продуктивными в диалектной словообразовательной системе модели с суффиксами абстрактности.

В диалектном языке, как и в литературном, имена с суффиксом *-ствие* усвоили синкретичную семантику, имея событийное или конкретное значение. Однако обозначают они и реалии жизни носителей диалектов (*действие* – ‘мера писчей бумаги’, *лекарствие* – ‘лекарство, снадобье от болезни, зелье’).

Как и в литературном языке, в основном они сохраняют абстрактное значение, демонстрируя его усиление по сравнению с суффиксом *-ство*, ср.: *беспокойствие* – ‘беспокойство’; *бесследствие* – ‘безрезультатность, даром потраченные усилия для достижения чего-либо’, *довольствие* – ‘довольствие чем-либо. О большом количестве, избытии чего-либо’ (*Водой-то довольствие у нас*).

Как известно, суффиксы *-ство*, *-ствие* издревле способны выстраивать синонимические ряды, ср. в современных говорах: *дород-ствие* // *дородин-ство* // *дородн-ество* // *дородч-ество* – ‘дородность’; *неудовольствие* // *неудовольство* – ‘неудовольство’ и т. п. Выявленная словообразовательная синонимия закономерна в историческом плане, ибо, по наблюдениям Г.А. Николаева, «имена на *-ство* и *-ствие*, связанные раньше как производящее и производное, на основании семантических и структурных сходств становятся синонимичными, а потому равноправными и в словообразовательном отношении. Возникает новый словообразовательный тип имен с суффиксом *-ствие*, очень тесно связанных с именами на *-ство* и составляющих с ними [...] уникальный случай словообразовательной синонимии в русском языке, отраженной уже в древнерусских письменных памятниках»⁹.

Мы считаем необходимым учитывать и общеизвестный факт собственно лингвистического порядка относительно того, что диалекты являются своеобразной консервацией древних языковых единиц, способствуя их сохранению в составе национального языка. Свидетельство тому – наличие среди рассмотренных нами лексем единиц, функционировавших в древнерусском языке как общеупотребительные. Примечательно, что большинство отмеченных в говорах слов на *-ствие* отсутствует в современном русском литературном языке, но зафиксировано в словарях и памятниках древнерусского и старорусского периода в том же значении, что и в говорах, ср.: *довольствие* (довольствие, XVI в.) – ‘довольствие чем-либо, о большом количестве, избытии чего-либо’; *беспокойствие* (беспокойствие, XVIII в.) – ‘беспокойство’, *неудовольствие* (неудовольствие, XVIII в.) – ‘неудовольство’; *насильствие* (насильствие, XVI в.) – ‘насилие’, *неверствие* (невѣрствие, XI в.) – ‘несбыточность,

⁹ Г.А. Николаев, *Обратная соотношенность в именах на „-ствие” в русском языке*, „Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej” 1986, т. 8, с. 72.

невероятность'; *средствие* (средствие, XVII в.) – 'средство'; *удобствие* (удобствие, XIII в.) – 'удобство'; *бедствие* (бѣдствие, XVIII в.) – 'беда'; *чувствие* (чювьствие, XI в.) – 'чувство'.

Кроме того, в древнерусском материале мы находим примеры названной словообразовательной синонимии, утраченной современным русским литературным языком, ср.: *довольствие* (XVI в.) / *довольство* (XVII в.); *беспокойствие* (XVIII в.) / *беспокойство* (XVIII в.); *насильствие* (XVI в.) / *насильство* (XIV в.) / *насилие* (XI в.); *невѣрствие* (XI в.) / *невѣрство* (XI в.) / *невѣрие* (XI в.); *средствие* (XVII в.) / *средство* (XII в.). Адаптировавшись впоследствии в русских говорах, названные словообразовательные модели сохраняют и способность к выстраиванию синонимических рядов на собственном, диалектном, материале, ср.: *неудовольствие* / *неудовольство* – 'недовольство'; *недовольствие* / *недовольство* – 'неприятность' и др.

Помимо семантических особенностей, диалектный материал иллюстрирует и собственно словообразовательные. Если в литературном языке большинство субстантивов на *-ствие* связаны отношениями обратной соотносительности с глаголами на *-ствовать*, то в говорах подобные глаголы отсутствуют, а имена на *-ствие* последовательно сохраняют именную (в основном адъективную и субстантивную) мотивацию.

Показательно в данном отношении и сопоставление материалов *Словаря русских народных говоров*¹⁰ с материалами *Толкового словаря великорусского живаго языка* В. Даля¹¹, содержащего, как известно, многие диалектные единицы. Из 56 лексем на *-ствие*, зафиксированных Далем, лишь 4 имеют соответствие в *Словаре русских народных говоров*: *довольствие*, *бедствие*, *чувствие*, *удовольствие*. Мы склонны полагать, что это связано и с деривационным аспектом: большинство слов у Даля имеет глагольную мотивацию (ср. *благоденствие*, *благоприветствие*, *воздействие*, *действие*, *лицедействие*, *молбствие*, *напутствие*, *нашествие*, *нисшествие*, *ответствие*, *предчувствие*, *приветствие*, *путешествие* и др.), отсутствующую, как мы отмечали выше, в диалектном словопроизводстве имен на *-ствие*.

Рассматривая субстантивы на *-ствие*, можно определенно утверждать, что „через разговорные стили литературного языка, через церковные книги, «божье слово», которое слышал народ в храме, а также от сельского грамотея, читавшего псалтырь и другие книги, имена на *-ствие* проникают в речь простых людей и даже в диалектную речь [...]. Здесь, в народном языке, они употребляются для придания речи высокой торжественности, образности”¹². Поэтому в первую очередь субстантивы на *-ствие* в русских говорах следует квалифицировать как заимствования из литературного языка: они встречаются редко и имеют своеобразную функциональную направленность – стрем-

¹⁰ *Словарь русских народных говоров*, ук. соч.

¹¹ В. Д а л ь, *Толковый словарь великорусского живаго языка*, т. 1–4, Москва 1997–1999.

¹² Г. А. Н и к о л а е в, *О некоторых аспектах сопоставительного...*, ук. соч., с. 51.

ление жителей села блеснуть ученостью, казаться образованнее, сделать свою речь красивее. „Другой тип стилизации мы имеем в разговорном (диалектном) языке, когда отдельные носители диалектов, желая в своей речи быть похожими на городского носителя языка, увеличивают в разговоре регулярность слов с книжными суффиксами (особенно суффиксами *-тель* и *-ствие*)”¹³: „Всем как есть он взял: и пригожеством, и *дородствием*, обхождением величавыим” (Арх., 1895); „И себе-то *беспокойствие*” (Покр. Влад., 1910); „На меня так всё в *неудовольствиях* был” (Камч., 1962). Возможность употребления имен на *-ствие* во множественном числе является несомненным свидетельством того, что в говорах они употребляются в более конкретных значениях, чем аналогичные литературные формы.

Образования же, созданные в диалектах по существующей модели, подтверждают тот факт, что если в литературном языке процесс формирования деривационных моделей для выражения абстракции уже завершен, то в диалектах он еще находится в стадии становления.

Наличие словообразовательных синонимов говорит о том, что диалектам в целом еще не свойственна четкая дифференциация суффиксов абстрактности по функции и значению, прослеживается некоторая незакрепленность определенного значения за определенным суффиксом, т. е. специфика их значений выражена еще не так четко, как в литературном языке. Такое „отставание” объяснимо тем, что развитие говоров, протекавшее в прошлом в условиях изоляции, несколько препятствовало процессу уточнения функций словообразовательных формантов, их семантической дифференциации.

Поэтому можно утверждать, что в современном диалектном языке идет процесс словообразовательного поиска.

¹³ Г.А. Николаев, „Сознательное отношение к языку” и словообразование, Казань 2000, с. 1.